

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ.

Послание 3. К пресвитеру Кледонию против Аполлинария – первое

Честнейшему, боголюбивейшему брату и сопресвитеру Кледонию Григорий желает о Господе радоваться.

Хочу знать, что это за нововведение в Церкви, по которому всякому хотящему и, по Писанию, «мимоходящему» ([Пс.79:13](#)), позволительно паству, хорошо обученную, расторгать и расхищать, производя на нее нашествия украдкой, лучше же сказать, внушая ей разбойнические и странные учения. Если бы те, которые наступают на нас ныне, и могли осудить нас за что-нибудь касательно Веры; то им не надлежало отваживаться на такие дела, не вразумив нас предварительно. Прежде надобно было или убедить, или захотеть убедиться, если только и мы что-нибудь значим, как люди богобоязненные, потрудившиеся ради слова и сделавшие нечто полезное для Церкви, тогда, если бы и новое было введено, может быть, имели бы в этом какое-нибудь извинение оскорбители. Но когда вера наша проповедана письменно и неписьменно, здесь и в отдаленных странах, с опасностями и без опасностей; как одни решаются на такое дело, а другие молчат? И не то еще тяжело (хотя и сие не легко), что они лжеучение свое с помощью людей злонамеренных вливают в умы простодушных, но то, что и на нас клеветуют, называя единомысленными и согласными с ними, надевают приманку на уду и через этот обман злобно выполняют свою волю и нашу простоту, по которой мы смотрели на них как на братьев, а не как на чужих, обращают в пособие своей злобе. И не довольно сего; но, как слышу, говорят, что они приняты Западным Собором, который прежде, как всякому известно, осудил их. Но если последователи Аполлинария или ныне приняты, или прежде были приемлемы; то пусть докажут сие, и мы успокоимся. Тогда явно будет, что они согласны с правым учением; иначе невозможно было бы им этого и достигнуть. Докажут же, без сомнения, или соборным свитком, или общительными посланиями; ибо таков закон Соборов. Если же это одни слова и вымысел, изобретенный ими для благовидности и для того, чтобы приобрести, вероятно, у народа достоверность лиц, то научи их молчать и обличи. Сие считаем приличным и образу жизни, и православию твоему.

Да не обольщают они других, и сами да не обольщаются, приемля, что человек Господень, как они говорят, лучше же сказать, Господь наш и Бог, не имеет ума. Мы не отделяем в Нем человека от Божества, но учим, что один и тот же – прежде не человек, но Бог и Сын Единородный, предвечный, не имеющий ни тела, ни чего-либо телесного, а, наконец, и человек, воспринятый для нашего спасения, подлежащий страданию по плоти, бесстрастный по Божеству, ограниченный по телу, не ограниченный по духу, один и тот же – земной и небесный, видимый и умопредставляемый, вместимый и невместимый, чтобы всецелым человеком и Богом воссоздан был всецелый человек, падший под грех. Если кто не признает Марию Богородицею, то он отлучен от Божества. Если кто говорит, что Христос, как через трубу, прошел через Деву, а не образовался в ней Божески вместе и человечески: Божески, как родившийся без мужа, человечески, как родившийся по закону чревоношения, то и он также безбожен. Если кто говорит, что в Деве образовался человек, потом уступил место Богу, то он осужден, ибо это значит не рождение Бога признавать, но избегать рождения. Если кто вводит двух сынов – одного от Бога и Отца, а другого от Матери, а не одного и того же, то да лишится он усыновления, обещанного правоверным. Ибо хотя два естества – Бог и человек (как в человеке душа и тело), но не два сына, не два Бога (как и здесь не два человека, хотя Павел (2Кор.4:16) наименовал человеком и внешнее, и внутреннее в человеке). Короче говоря, в Спасителе есть иное и иное, потому что не тождественно невидимое с видимым и довременное с тем, что под временем; но не имеет в Нем места иной и иного Сего да не будет! Ибо то и другое вместе – и Бог очеловечился, и человек обожился, или как ни наименовал бы кто сие. Когда же говорю «иное и иное», понимаю сие иначе, нежели как нужно понимать Троицу. Там Иной и Иной, чтобы не слить Ипостасей, а не иное и иное, ибо Три Ипостаси по Божеству суть едины и тождественны. Если кто говорит, что во Христе Божество, как в пророке, благодатно действовало, а не существенно было сопряжено и сопрягается, то он да не будет иметь в себе лучшего вдохновения, а напротив, да исполнится противоположного! Если кто не поклоняется Распятому, то он да будет анафема и да причтется к богоубийцам. Если кто говорит, что Христос стал совершенен через дела и что Он, или по крещении, или по воскрешении из мертвых,

удостоен усыновления (подобно как язычники допускают богов сопричтенных), да будет анафема, ибо то не Бог, что получило начало, или преуспеваает, или совершенствуется, хотя и приписывается сие Христу ([Лк.2:52](#)), относительно к постепенному проявлению. Если кто говорит, что теперь отложена Им плоть и Божество пребывает обнаженным от тела, а не признает, что с воспринятым человечеством и теперь пребывает Он и придет; то да не узрит таковой славы Его пришествия! Ибо где теперь тело, если не с Воспринявшим оно? Оно не в солнце, как пустословят Манихеи, положено, чтобы прославиться бесславием; оно не разлилось и не разложилось в воздухе, как естество голоса, и излияние запаха, и полет неостанавливающейся молнии. Иначе как объяснить то, что Он был осязаем по воскресении ([Ин.20:27](#)) и некогда явится тем, которые Его распяли ([Ин.19:37](#))? Божество само по себе невидимо. Но, как думаю, Христос придет, хотя с телом, впрочем, таким, каким явился или показался ученикам на горе, когда Божество победило плоть.

Но как сие говорим в отклонение подозрения, так и следующее пишем в исправление нововведения. Если кто говорит, что плоть сошла с неба, а не от земли и не от нас, да будет он анафема. Ибо слова Писания: «второй человек с небесе», и: «яков небесный, тацы же и небесам»([1Кор.15:47,48](#)), и: никто же «взыде на небо, токмо спешший с небесе, Сын человеческий» ([Ин.3:13](#)), и тому подобные; нужно разуметь сказанными по причине соединения с небесным; так же как и сказанное, что "все" стало Христом ([1Кор.8:6](#)) и что Христос вселяется в сердца наши ([Еф.3:17](#)), относится не к видимому, но к умосозерцаемому в Боге, потому что соединяются как естества, так и наименования, и переходят одно в другое по закону теснейшего соединения. Если кто понадеялся на человека, не имеющего ума, то он действительно не имеет ума и не достоин быть всецело спасенным, ибо невоспринятое не уврачевано, но что соединилось с Богом, то и спасается. Если [Адам](#) пал одной половиной, то воспринята и спасена одна половина. А если пал всецелый, то со всецелым родившимся соединился и всецело спасается. Посему да не завидуют нам во всесовершенном спасении и да не приписывают Спасителю одних только костей, жил и облика человеческого. Если он человек, не имеющий души, то сие говорят и ариане, чтобы приписать страдание Божеству, так как, что приводило в движение тело, то и страдало. Он

человек, имеющий душу, то, не имея ума как мог быть человеком? Человек не есть животное неразумное. И необходимость потребует допустить, при образе и покрове человеческом, душу какого-нибудь коня, или вола, или другого животного неразумного. А таково будет и спасаемое. Итак, я обманут самой Истиной и превозношусь, когда почтен другой. Если же Он – человек разумный, а не лишенный ума, то да умолкнут безумствующие.

Но говорят: «Вместо ума достаточно Божества». Что же мне до этого? Божество с одной плотью еще не человек, а также и с одной душой или с плотью и душой, но без ума, который преимущественно отличает человека. Итак, чтобы оказать мне совершенное благодеяние, соблюди целого человека и присоедини Божество.

Но говоришь: «Он не совмещал в Себе двух совершенных». Не совмещал, если представляешь сие телообразно. Сосуд величиной в один медимн не вместит двух медимнов; также и место, занимаемое одним телом, не вместит двух или более тел. Если же представляешь сие как мысленное и бестелесное, то смотри: и я вмещаю в себе душу, и слово, и ум, и Духа Святого; и еще прежде меня мир сей, то есть сия совокупность видимого и невидимого, вмещала в себе Отца и Сына и Святого Духа. Такова природа всего умопредставляемого, что оно не телообразно и неразделимо соединяется и с подобным себе, и с телами. И многие звуки вмещаются в одном слухе, и зрение многих помещается на одних и тех же видимых предметах, а обоняние – на тех же обоняемых; но чувства не стесняются или не вытесняются одно другим, и осязаемые предметы не умаляются от множества осязающих. Притом, как ум человека или ангела можно назвать совершенным в сравнении с Божеством, так, чтобы присутствием большего вытеснялось другое? Нельзя назвать совершенным какое-нибудь освещение в сравнении с солнцем и небольшую влагу в сравнении с рекой. Возьмем для примера что-нибудь маловажное – освещение дома и влагу земную, чтобы таким образом совместились предметы большие и совершеннейшие. Ибо как совместят в себе две совершенные вещи: дом – освещение и солнце, а земля – влагу и реку? Рассмотрим сие, потому что предмет сей действительно достоин великого внимания. Разве не знают, что совершенное относительно к одному может быть несовершенным относительно к другому, как,

например, несовершенны холм относительно к горе, зерно горчичное относительно к бобу или к другому какому из больших семян, хотя само оно и называется большим в сравнении с семенами однородными, или, если угодно, ангел относительно к Богу, и человек к ангелу? Посему наш ум есть нечто совершенное и владычественное, но только относительно к душе и телу, а не просто совершенное, относительно же к Богу он есть нечто рабское и подчиненное, а не равновладычественное и не равночестное. И Моисей – бог фараону и раб Божий, как написано ([Исх.7:1](#). [Числ.12:7](#)). И звезды светят ночью, но при солнце скрываются, так что днем нельзя их и заметить. И небольшой светильник, поднесенный к большому горящему костру, не исчезает, и невредим, и неразличим, но все представляется одним костром, потому что побеждает превосмогающее.

Но ты говоришь: «Ум наш осужден». Что же плоть? Разве не осуждена? Иди отринь и плоть – по причине греха, или допусти и ум – ради спасения. Если воспринято худшее, чтобы оно освятилось воплощением, почему не быть воспринятым лучшему, чтобы оно освятилось очеловечением? Если глина приняла в себя закваску и сделалась новым смешением; то как же, о мудрые, не принять в себя закваску образу и не соединиться с Богом, обожившись через Божество? Присовокупим и следующее. Если ум, как греховный и осужденный, совершенно презрен, и потому воспринято тело, а ум оставлен, то извинительны погрешающие умом. Ибо, по словам твоим, Божие свидетельство ясно показало невозможность уврачевать его. Скажу еще более: ты, превосходнейший, как кланяющийся плоти, тогда как я кланяюсь человеку, бесчестишь мой ум для того, чтобы с плотью связать Бога, как будто бы ни с чем иным не связуемого, и для этого отъемлешь средостение. А как рассуждаю я – человек нелюбомудрый и неученый – ум соединяется с умом, как с ближайшим и более сродным, а потом уже с плотью, при посредстве ума между Божеством и телом.

Какую же у них видим причину очеловечения или (как они говорят) воплощения? Если ту, чтобы вместился Бог иначе невместимый и во плоти, как бы под завесой беседовал с людьми, то это будет у них одна нарядная личина и зрелищное лицедейство. Не говорю уже о том, что можно было иначе беседовать с нами, как прежде в купине огненной и

в человеческом образе. Если же ты, чтобы разрушить осуждение греха, освятив подобное подобным; то нужны были Ему как плоть ради осужденной плоти и душа ради души, так и ум ради ума, который в Адаме не только пал, но, как говорят врачи о болезнях, первый был поражен. Ибо что приняло заповедь, то и не соблюло заповеди, и что не соблюло, то отважилось и на преступление, и что преступило, то наиболее имело нужду в спасении, а что имело нужду в спасении, то и воспринято. Следовательно, воспринят ум. Итак, сие против их воли доказано теперь с геометрической, как говорят они, необходимостью и строгими доводами. А ты поступаешь подобно тому, как если бы у человека, который повредил себе глаз и потом повредил еще ногу, вылечил ты ногу, а глаз оставил невылеченным, или, если бы когда живописец написал что-нибудь худо, написанное заменил ты другим, а живописца не тронул, как сделавшего свое дело. Если же вынужденные сими умозаключениями прибегают они к той мысли, что Богу, и не восприняв ума, можно было спасти человека; то скажем: конечно. Ему можно было спасти человека и не восприняв плоти, единым хотением; так как и все прочее Он производит без тела. Посему вместе с умом отними и плоть, чтобы тебе в своем безумии дойти до совершенства.

Но они вводятся в обман Писанием и потому прибегают к плоти, не зная образа выражения, обычного Писанию. Вразумим их и в этом. Что Христос в Писании везде называется человеком и Сыном человеческим, нужно ли говорить о сем людям знающим? Если же они опираются на словах: «слово плоть бысть и вселися в ны» (Ин.1:14) и на сем основании обрезают у человека лучшую его часть, как сапожники толстые места у кожи, чтобы только слепить Бога с плотью; то следовало бы им сказать, что Бог есть Бог одних тел, а не душ, на основании сказанного в Писании: «якоже дал еси Ему власть всякие плоти» (Ин.17:2); и: «к тебе всяка плоть придет» (Пс.64:3); «и да благословит всяка плоть», то есть всякий человек, «имя святое Его» (Пс.144:21); или опять надлежало бы им сказать, что отцы наши пришли в Египет бесплотными и невидимыми и что одна только душа Иосифова заключена была в узы Фараоном, также на основании написанного: «в седмидесятих и пяти душах снидоша во Египет» (Втор.10:22), и «железо пройде душа его» (Пс.104:18), – такая вещь, которая не может быть связана. Те, которые утверждают сие, не

знают, что подобные наименования берутся вместе, так что под частью разумеется целое. Так, сказано, что «птенцы врановы» призывают Бога ([Пс.146:9](#)), в означение целого рода пернатых, упоминаются «Плеяды и Еспер, и Арктур» ([Иов.9:9](#)), в означение всех звезд и Божия о них промышления. Притом не иначе могла быть выражена любовь Божия к вам, как через упоминание о плоти, потому что Он ради нас снизошел и до худшего. Ибо всякий здравомыслящий сознается, что плоть маловажнее души. Посему изречение: «слово плоть бысть», как мне кажется, равносильно сказанному, что Он сделался грехом ([2Кор.5:21](#)) и «клятвой» ([Гал.3:13](#)) не потому, что Господь в сие претворился (как сие возможно?), но потому, что через восприятие этого воспринял наши беззакония и понес болезни. Итак, этого достаточно в настоящем случае, по причине ясности и удобопонятности для многих. Ибо пишем сие с намерением не книгу сочинить, но остановить обольщение. Более же совершенное и пространное слово о сем, если угодно, предложим после.

Нет, впрочем, нужды оставлять без внимания то, что важнее сказанного доселе. О, если бы отсечены были от нас те, которые возмущают вас и вводят новое иудейство, новое обрезание и новые жертвы! Если это так, то что препятствует для отвержения их снова родиться Христу, снова быть предану Иудой, и распяту, и погребену, и воскреснуть, чтобы исполнилось все в прежнем порядке, согласно с принятым у эллинов круговращением, по которому то же движение звезд ведет за собой те же события? Какое это дополнение, по которому иное из совершившегося тогда имеет еще место, а иное оставлено, пусть объяснят сие мудрецы, хвалящиеся множеством книг. Поскольку же, гордясь книгой своею о Троице, они клеветуют на нас, будто бы Вера наша не здравая, и многих обольщают; то необходимо нужно знать, что Аполлинарий, хотя присвоил Святому Духу именование Божества, однако же не сохранил у Него силы Божества. Ибо составлять Троицу из великого, большего и величайшего, как бы из сияния, луча и солнца (то есть из Духа, Сына и Отца), что ясно написано в его книгах, есть такая лестница Божества, которая не на небо ведет, но низводит с неба. Но мы знаем Бога Отца и Сына и Святого Духа; и это не голые именованья, которыми различается неравенство достоинств и сил, но единое и тоже как наименование, так и естество Божества, единая сущность и сила. Если же кто полагает,

что говорим сие правильно, а между тем обвиняет нас в общении с еретиками; то пусть это будет доказано кем-нибудь из наших: тогда или оправдаемся, или отступим от общения. А прежде суда небезопасно вводить новое как в другом чем, так в деле столь важном и касающемся таких предметов.

Сие мы уже засвидетельствовали и перед Богом, и перед людьми, и теперь готовы засвидетельствовать. И будь уверен, не писали бы этого ныне, если бы не видели, что Церковь раздирается и рассекается как иными чудовищными лжеучениями, так и нынешним сонмищем суетности. Если же кто-нибудь, когда говорим и свидетельствуем сие, или из каких-нибудь выгод, или по страху человеческому, или по неуместному малодушию, или по неимению пастыря и руководителя, или по привязанности к странностям и по готовности к нововведениям презирает нас, как недостойных внимания, обращается же к подобным людям и раздирает прекрасное тело Церкви; то, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение и даст ответ Богу в день суда. Если же обширные книги, новые псалтири, противоречащие Давиду, и приятные стихи почитаются третьим заветом, то и мы станем псалмопевствовать, писать много и слагать стихи: «мню бо и аз Духа Божия имети» (1Кор.7:40), если только это благодать Духа, а не человеческое нововведение. Я хочу, чтобы ты засвидетельствовал сие перед многими, дабы не стало на нас, что оставлено нами без внимания такое зло, и по нашему нерадению лукавое учение распространяться и усиливаться.